

Кроме Анне в доме обитают двое мужчин — муж Бенно, ее личный продюсер (вместе они уже двадцать лет), и огромный доберман-пинчер Жюль. У Бенно с Жюлем весьма дружеские отношения — ведь муж Анне прекрасно готовит (коронное блюдо — форель в фольге) и отдает псу самые лакомые кусочки. “Мы не ходим по ресторанам, — там невкусно и жирно. Лучше Бенно никто не умеет готовить! А я — вообще не умею!” — смеется Анне...

— Не успел я вам задать вопросы, как вы о себе уже немало рассказали. Вы со всеми так легко общаетесь?

— Для меня есть “черные” люди и “белые”. Я стараюсь общаться только с теми, кто для меня “белый”. Я же Рыба и к тому же Обезьяна — очень хитрая и сразу чувствую нехороших людей.

— В гороскопы, наверное, верите?

— Я их обязательно читаю, и если там что-то хорошее написано, то думаю: “У-у! Сегодня у меня хороший день будет!” Я верю в судьбу, и все будет так, как предписано. То, что я стала певицей, наверняка было где-то сверху предрежено. Я об этом никогда не думала и просто делала то, что мне нравилось. Не думала, что это будет профессией, что буду популярна, да за это еще и деньги будут давать!

Никаких наворотов, деревенский стиль, садик с яблонями и несколькими кустами смородины... Глядя на двухэтажный дом Анне Вески под Таллином, не скажешь, что здесь живет бывшая звезда советской эстрады. Впрочем, почему бывшая? Вески по-прежнему поет, а ее старые шлягеры в России помнят все. Поэтому певицу пригласили в Москву на День города, и мы скоро еще раз услышим: “Позади крутой поворот, позади — обманчивый взлет...” Сейчас Анне живет в местечке Рокка-Аль-Маре, которое облюбовала эстонская элита. “Когда нам еще в советское время дали тут участок, я и не предполагала, что это место станет таким престижным. Повезло!” — говорит певица.

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

ПОД ЗНАКОМ РЫБО-ОБЕЗЬЯНЫ

— Я заметил, что у вас в доме очень много ваших портретов...

— Я это называю “культ личности” (смеется). Нет, это все спонтанно получается. Сама я специально ни одного портрета не заказывала, это подарки. Держать их в шкафу глупо, и теперь я просто постепенно добавляю новые.

— Скажите, если вас позовут выступить на каком-нибудь захолустном заводике, у которого нет денег на гонорар, но они вас очень захотят видеть, — поедете?

— Ну... бесплатно сейчас никто не поет. И в то же время у Вески нет такой точной суммы, которую она всегда называет. Где-то больше, где-то меньше — договоримся. Вот в советские времена было проще. Тогда были ставки, которые устанавливало Министерство культуры. Каждые два года тарификация обсуждалась — дать артисту больше денег или еще подождать. В свое время я получила самую высокую ставку — 52 рубля за концерт!

Тут к нашему разговору присоединяется Бенно, главный “финансист” семьи:

— Это уже очень давно было, еще в советское время. Тогда мы выступали на многих стадионах. Была такая греческая группа “Бузуки”. Они делали первое отделение, а мы — второе. И они нам приплачивали. Они же не советские подданные, а греческие, могли себе позволить. Но, честно говоря, в то время помимо ставки нам всегда приплачивали администраторы. Ставка-то была одинаковая и у Анне, и у Аллы Пугачевой.

— Анне, коварный вопрос: вы много тратите?

— Я трачу много и глупо. Я работаю для того, чтобы жить хорошо. Ну и наслаждаюсь! Потом вдруг решаю, что надо экономить. Работаю, работаю, работаю, а потом опять думаю: надо же и гулять!

— Что в вашем понятии — экономить?

— Ну, например, я куплю себе не десять костюмов, а только пять — уже экономия.

— Вы уже так долго работаете вместе с мужем — обходится без производственных конфликтов?

— Он иногда меня даже обижает. Например, неделю пишу песню в студии и ему первому даю послушать. Я столько труда в нее вложила, и мне хочется, чтобы он сказал: “Ой, как это хорошо, так еще не было!”, а он смотрит и спрашивает: “Ну и что это такое? Здесь ты так мрачно поешь!” И тут мне хочется кого-то ударить, даже убить!.. А потом начинаю думать: наверное, он прав, можно ведь и по-другому спеть.

— Бенно, а вам не обидно, что вся слава достается жене?

— Нет, совершенно. Я не стремлюсь на сцену и к славе.

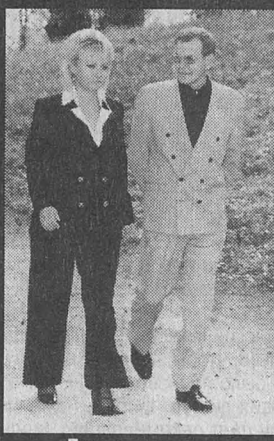
Анне:

— Его вообще на сцену вытащить невозможно! Правда, в этом году на одном фестивале ему все-таки пришлось это сделать. И то только потому, что организаторы фестиваля решили, что он должен мне подарить цветы.

Бенно:

— Еле решился, но пришлось. Сто грамм принял — и вперед.

— Кстати, а вы, Анне, можете себе позволить допинг перед выступлением?

Бенно никогда не расстается с супругой.

Анне
Вески:
“Я буду
сниматься
лысой!”

— Просто так, конечно, нет, но иногда в зале бывает так холодно, что по-другому просто не согреться.

Бенно:

— Вот на этот Новый год она выступала в Нарве. Сорок минут на улице, на морозе. Попробуйте без сугрева!

Анне:

— Если приходится, то лучше водки выпить. Но так, чтобы в голову не ударило, — все хорошо в меру. А так, чтобы зритель заметил, что артист принял на грудь, — ни в коем случае.

— Вы по-прежнему часто выступаете в России?

— В советское время, конечно, концертов было больше. Сейчас ездить по всему пространству бывшего СССР, но Москва — это как бы перевалочный пункт, поэтому там-то чаще и бываем.

— Вы недавно снялись в фильме Кокшенова в эпизодической роли, где играли саму себя. Новых предложений из мира кино не поступало?

— Ну почему? Еще тогда Михаил предложил мне новую роль, правда, о ней просили не говорить... но я расскажу. В первом фильме мы действительно играла саму себя. Я шла по коридору гостиницы “Россия”, и у меня был совершенно лысый охраннык. Кокшенову это так понравилось, что он тут же придумал новый сюжет с этим же лысым. В новом фильме Крачковская играет ясновидящую, и мы с моим мужем — лысым — приходим к ней. Я прошу ее восстановить волосы на голове, а она прекрасно понимает, что одними словами тут не отделаться, обмануть нельзя, и начинает говорить, мол, вот если бы у него хоть где-то волосы были, тогда можно было бы пересадить. А у него вообще ни-

где нет волос! У нас очень долгий разговор, в конце которого я выхожу из себя и кричу, что это не ему нужны волосы, а мне! При этом снимаю парик и оказываюсь совершенно лысая. По-моему, забавно.

— Каким было самое экзотическое место, где вы выступали?

— Ой, где мы только не были!.. И в Монголии, где я пела на монгольском, и на острове Святого Маврикия, на летном поле, под танками... Раньше, в советское время, что было хорошо? То, что СССР делал пропаганду, проводил свои Дни культуры в других странах. В подобных мероприятиях Вески была впереди. Тогда денег не платили, но мы объездили весь мир. Теперь — наоборот, надо за все платить самим.

— У вас вроде как ностальгия по временам Союза?

— Не-ет. То, что я так хорошо говорю про то время, совсем не означает, что хочу его возвращения. Помню, папа, еще в советское время, рассказывал о прежней жизни: “Поехали в Хельсинки, пообедали и вернулись обратно”. И я тогда думала: мол, ничего себе! А сейчас все это опять вернулось.

Теперь все свободные страны могут винить в своих бедах только самих себя. Раньше-то что говорили? Москва виновата! А сейчас на нее не кивнешь...

— Вам никогда не приходили на ум мысли о том, что можно оставить эстраду?

— Первый раз я сказала, что, когда мне будет 30, — тогда я и остановлюсь, потому что меня никто не захочет уже видеть на сцене. Потом это было в 35. А теперь я говорю: “Ха-ха, мне же еще не 50, а значит, мне петь и петь!” Я свои годы не чувствую, и публика, по-моему, тоже. Я никогда не выпускала так много пластинок, как сейчас. Каждый год то в Эстонии, то в России выходит новый диск. И что для меня особенно приятно, впервые за всю мою концертную карьеру в Эстонии выходит пластинка на русском языке. В советское время это было невозможным. “Как это! Ты оккупантам поешь!” — говорили. Да больше скажу, раньше я не могла петь эстонцам на русском, они принимали это как предательство народа, а сейчас слушают и довольны!

— А в России вам никогда не говорили: мол, езжай в свою Эстонию и там пой?

— Нет. Почему мне Россия и нравится. Вот на Украине сказали: “У нас своих артистов достаточно, не надо нам чужих!” А в России сцена открыта для всех. Гвердцители — разве она русская? Кикабидзе? На российский концерт меня представляют: “Она пересекла границу, стремилась сюда, и вот для вас поет наша Анна Вески!” Для тех, кто вырос в СССР, я все равно “наша”.

Беседовал Валентин ЗВЕГИНЦЕВ, собор “МК” в Таллине.